

Н. В. Гоголь, этотъ русскій писатель, стремившійся къ высокому и идеальному, старавшійся всѣми силами принести пользу обществу, осмѣивавшій его недостатки сквозь незримыя слезы; въ личной жизни испытывшій множество несчастій и страданій и ими подготовившій себя къ загробной жизни и умершій истиннымъ христианиномъ. Въ 50-лѣтнюю годовщину со дня кончины Н. В. вполне достойно почтить память его, не только какъ гениальнаго писателя, но и какъ истинно-религіознаго человѣка и христианина.

Н. Л.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Протоіерей Алексѣй Петровичъ Колоколовъ.

(Воспоминанія духовнаго его сына).

Почившій надняхъ о. протоіерей Алексѣй Петровичъ Колоколовъ, болѣе извѣстный среди многочисленной паствы своей подъ именемъ «отца Алексія», принадлежалъ, несомнѣнно, къ самымъ выдающимся, наиболее самобытнымъ лицамъ русскаго духовенства. Увлечательный, блестящій собесѣдникъ, тонкій діалектикъ, можно сказать, художникъ, въ разговорахъ на богословскія темы, сыпавшій драгоценными, мѣткими сравненіями для уясненія путемъ примѣровъ изъ видимаго міра самыхъ тонкихъ отвлеченностей: таковъ былъ этотъ оплакиваемый теперь многими пастырь. Мнѣ довелось познакомиться съ о. Алексіемъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Я былъ тогда въ университетѣ, а пріѣхалъ въ Петербургъ по очень сложнымъ и тягостнымъ дѣламъ. Я не могъ не быть въ угнетенномъ, уныломъ состояніи духа, и одна семья, гдѣ о. Алексій

былъ духовникомъ, устроила мнѣ свиданіе съ нимъ.

Когда я вошелъ въ пріемную деревяннаго съ мезониномъ одноэтажнаго дома на Выборгской у Самсоніевскаго моста, гдѣ жилъ въ то время о. Алексій, — меня поразила та обстановка, которую я увидѣлъ. Въ знакомыхъ мнѣ доселѣ двухъ-трехъ домахъ священниковъ я подмѣчалъ какую-то особую чинность и холодность. Тутъ же было чрезвычайно уютно. Мягкая мебель въ прекрасной деревянной оправѣ, пріятные тона ея обивки, множество растений у окна дѣлали изъ этой высокой комнаты очень пріятный уголокъ. Мнѣ показалось, что тутъ какой-то особый міръ, далекій отъ представлявшагося мнѣ угрюмымъ и сумрачнымъ Петербурга. Еще уютнѣе, свѣтлѣе была слѣдующая большая комната, гдѣ принялъ меня о. Алексій. Но я мало замѣчалъ уже привлекательность этой комнаты, весь поглощенный его личностью съ той минуты, какъ онъ вышелъ ко мнѣ въ пріемную и пригласилъ дальше.

Предо мной стоялъ высокій, довольно полный человѣкъ, съ быстрыми, молодыми движеніями. Густая борода и густые также волосы окаймляли его очень выразительное лицо съ черными, живыми, полными огня глазами, и изъ этихъ прыгающихъ глазъ на васъ отъ этого сѣдого, какъ лунь, старика шло впечатлѣніе молодости. Онъ пригласилъ меня сѣсть на диванъ и самъ сѣлъ около. Тутъ же, на коврѣ, стоялъ маленькій, на высокихъ ножкахъ, складной столикъ-аналой, какіе бывають въ алтаряхъ, у престола, и на какихъ служащіе кладутъ служебную книжку. Я догадался, что у этого столика о. Алексій исповѣдуетъ.

Бесѣда велась довольно долго, и я былъ пораженъ ею. Когда я въ довольно короткихъ словахъ, больше на-

меками, рассказал о. Алексію о своемъ горѣ и о своемъ душевномъ состояніи, онъ, отвѣчая мнѣ, нарисовалъ мнѣ меня самого въ тѣ мои дни съ мельчайшими подробностями, разобрался до тонкости во всѣхъ моихъ тогдашнихъ чувствахъ и мысляхъ и сказалъ мнѣ, что мнѣ нужно дѣлать, какъ понимать мое душевное состояніе, что въ немъ нужно исправить, и что въ немъ было, благодаря той невзгодѣ, хорошаго, почему и ту самую невзгуду онъ считалъ промыслительною и полезною для меня. Я невольно отъ всей души заслушался его, не только потому, что его слова облегчали меня, но и потому, что въ рѣчи его, въ этомъ возсозданіи предомною моего же внутренняго образа, мнѣ чувствовался даровитый художникъ, что я видѣлъ работу филигранной отдѣлки, которою не могъ не любоваться, какъ будто о. Алексій изображалъ знакомый мнѣ, но чужой для меня образъ. Мнѣ доводилось на моемъ вѣку и до, и послѣ того, знать, встрѣчать людей, славившихся своимъ разговоромъ, умѣніемъ въ своей бесѣдѣ захватить, овладѣть всецѣло слушателемъ. Среди нихъ были люди общеизвѣстные. Но никого больше я не встрѣчалъ, чья бы бесѣда была обаятельнѣе. Ласкающій, бархатный, какъ говорится, идущій прямо въ душу голосъ о. Алексія, безконечно разнообразный въ оттѣнкахъ, та сердечность, съ какою онъ относился къ затронутой имъ темѣ, сознание того, что въ ту минуту онъ убѣждаетъ собесѣдника въ спасительной для этого собесѣдника истинѣ — все это умножало достоинство его, казалось мнѣ, вдохновенныхъ, глубокихъ словъ.

Въ «Новомъ Времени» въ краткомъ некрологѣ о. Алексія было сказано, что онъ былъ замѣчательный проповѣдникъ. Я же думаю, что церковная проповѣдь не была его специальностью. Да, ка-

жется, и проповѣдовалъ онъ съ амвона крайне рѣдко.

О. Алексій Колоколовъ любилъ бесѣдовать съ духовными дѣтьми, съ каждымъ по одиночкѣ или въ маленькихъ, отдѣльныхъ семейныхъ или дружескихъ кружкахъ. Очень вѣроятно, что то былъ не преднамѣренный приемъ. Такъ выходило само собою. Особенно на Успенскомъ островѣ, рѣчь о которомъ пойдетъ ниже, эти бесѣды всегда были внезапны: гдѣнибудь на работахъ, часто при неудобной для того погодѣ, при мелкомъ, какъ сквозь сито, дождѣ, ктонибудь изъ гостей, прифхавшихъ къ о. Алексію поговѣть, затронетъ духовный вопросъ, — и о. Алексій разговорится, и долго, долго широко, прозрачнымъ потокомъ льется блестящая, убѣжденная рѣчь. Или въ Петербургѣ приѣдетъ онъ служить молебенъ и засидится за бесѣдой. Его ждутъ въ другомъ мѣстѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ. У тебя самого намѣчено на тотъ день нѣсколько домовъ, куда нужно еще попасть. А нѣтъ силъ уйти, и все слушаешь — слушаешь о. Алексія, и задаешь ему вопросы, которые онъ разъясняетъ такъ глубоко, такъ проникновенно.

Мнѣ кажется, что изъ духовныхъ дѣтей о. Алексія, изъ тѣхъ, кто до конца его дней продолжали относиться къ нему, не переходя къ другимъ духовникамъ, нѣтъ ни одного, который не былъ бы безусловно приверженъ къ православію. Яркій представитель въ Петербургѣ православія во всей его чистотѣ, строгій блюститель церковности и высоко межъ духовныхъ дѣтей своихъ несущій знамя этой церковности — такимъ представлялся мнѣ всегда о. Алексій, когда я, еще при жизни его, пытался уяснить себѣ его значеніе. Ему точно отмежована была часть Петербурга, преимущественно самыхъ высшихъ слоевъ его, для того,

чтобы среди нея сохранить ненарушенную цѣлость вѣры, праотеческія преданія. И набѣгали одинъ за другимъ вихри, появлялись Редстокъ, Пашковъ, Толстой,—а паства э. Алексія, изъ людей всякаго возраста, продолжала крѣпко стоять и крѣпко исповѣдовать вѣру свою «во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь».

И, конечно, промыслительно было пребываніе его въ Петербургѣ, какъ издали видимой свѣчи, во всѣ эти 30 лѣтъ, страдныхъ, мятежныхъ лѣтъ: его, не искавшаго ни отличій, ни столицы и выбравшаго себѣ поприще сельскаго священника въ глухомъ углу.

На рѣкѣ Волховѣ, образующемъ въ этомъ мѣстѣ раздвоеніе, съ названіемъ «Большого Волхова» и «Малаго Волхова», расположенъ небольшой островокъ, теперь называемый Успенскимъ и уступленный государствомъ отцу Алексію для устройства на немъ благотворительныхъ учреждений.

На правомъ берегу, въ полу-верстѣ отъ рѣки, расположено селеніе Горка, при церкви которой священство-валъ отецъ о. Алексія и дѣдъ его, — даже нѣсколько послѣдовательныхъ предковъ его. Мать отца Алексія, умная, хозяйственная, энергичная женщина, выращивала семью и вела дѣтей безъ потачки. Марья Димитріевна, такъ звали ее, доживя до позднихъ годовъ, провела послѣднія десятилѣтія на Успенскомъ островѣ—ей пришлось пережить своего знаменитаго сына.

Окончивъ курсъ семинаріи, о. Алексій принялъ мѣсто священника въ селѣ Хотовѣ, лежащемъ верстахъ въ 17-ти отъ его роднаго села. Онъ очень скоро послѣ свадьбы остался вдовцомъ, съ маленькой дочерью на рукахъ, и весь отдался пастырской дѣятельности. Приходъ его былъ бѣдный; население

Протоіерей А. П. Колоколовъ.

грубое, нетрезвое. О. Алексій постарался стать поближе къ нему, чтобъ непосредственнѣе на него вліять. Какъ и въ послѣдующей своей дѣятельности, о. Алексій частое говѣніе, частое приобщеніе святыхъ Таинъ считалъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для исправленія людей. Самъ онъ велъ въ Хо-

товѣ аскетическій образъ жизни, и мало по малу молва стала повторять его имя, какъ имя подвижника. Вообще эта эпоха его жизни окружена особымъ ореоломъ и имѣеть черты чисто «житійныя» какія мы встрѣчаемъ въ сказаніяхъ о святыхъ церкви. Простой народъ обладаетъ особою жаждою видѣть праведниковъ и учиться у нихъ. Народъ изъ дальнихъ мѣстъ потянулся къ Хотову. Нерѣдко можно было видѣть вереницы людей, неспѣшнымъ, размѣреннымъ шагомъ богомольцевъ идущихъ по мало устроеннымъ, тонкимъ дорогамъ Новгородской губерніи въ ближайшихъ къ Ладожскому уѣздовъ Петербургской губерніи. — «Куда идете?» спрашивали ихъ. — «Къ о. Алексію Хотовскому» — отвѣчали они обыкновенно.

Какая-то страшная эпидемія постигла окрестность. О. Алексій безъ боязни ходилъ среди страдавшихъ и силою молитвы воздвигалъ болящихъ. Много вели къ нему несчастныхъ, одержимыхъ нечистыми духами. Изъ устъ бѣсноватыхъ раздавались ужасныя проклятія и угрозы о. Алексію. Вообще, батюшкѣ пришлось вынести сильную борьбу противъ злой силы, которая воюетъ на всѣхъ столь широко служащихъ дѣлу спасенія людей, какъ служилъ о. Алексій. Много связало о. Алексія съ его паствою одно, вмѣстѣ ими пережитое, несчастіе. Въ Хотовѣ сгорѣла церковь. Эту бѣду скуднаго, захолустнаго прихода о. Алексій обратилъ въ новый случай прославленія Бога. Онъ сталъ воздвигать большой каменный храмъ на мѣсто сгорѣвшаго и довелъ до конца это дѣло.

Мнѣ не довелось видѣть Хотовскаго храма. Хотя Хотово лежитъ недалеко отъ Успенскаго острова, но дорога тутъ такъ плоха, что часто туда трудно бываетъ добраться. Но я отъ людей,

отличающихся тонкимъ вкусомъ, слышалъ большія похвалы этому храму. Величественный, годившійся бы для собора значительнаго губернскаго города, онъ во внутренней отдѣлкѣ своей отмѣченъ тѣмъ изящнымъ вкусомъ, который проникалъ все, устроенное о. Алексіемъ. Освященіе этого храма было великимъ торжествомъ и радостію для строителя.

Между тѣмъ о. Алексій становился все болѣе извѣстнымъ. Общественія съ нимъ искалъ не только простой народъ. Богатое купечество и многія лица высшаго Петербургскаго общества узнали про о. Алексія, стали бывать въ Хотовѣ, приглашать о. Алексія въ Петербургъ. Бить можетъ, было бы лучше, еслибъ о. Алексій на всегда остался въ Хотовѣ, распространяя оттуда и на столицу свое духовное вліяніе. Несомнѣнно, онъ до конца своихъ дней былъ не чуждъ этой мысли. По крайней мѣрѣ, пишущій эти строки слышалъ отъ него слѣдующій разговоръ.

Въ то время, какъ о. Алексій дѣйствовалъ въ Хотовѣ, въ Старорусскомъ уѣздѣ спасался столѣтній отшельникъ схимонахъ Амфилохій, своимъ неотступнымъ ходатайствомъ предъ властями возстановившій давно уже упраздненную древнюю Реконскую пустынь. Замѣчательный старецъ этотъ, одаренный великими дарами благодати, жилъ въ землянкѣ или скрывался въ глубинѣ болотъ. Къ нему ходило много народа, и нѣсколько разъ чрезъ богомольцевъ старецъ Амфилохій звалъ къ себѣ Хотовскаго священника. Когда, наконецъ, о. Алексій посѣтилъ его, то узналъ или, точнѣе, увидѣлъ много замѣчательнаго, много поразительныхъ духовныхъ чертъ въ о. Амфилохіи. Между прочимъ, старецъ сказалъ ему. «Скоро тебя будутъ звать переселиться въ Петербургъ. Не соглашайся. Останься въ Хотовѣ». Въ

ту минуту, какъ о. Алексій рассказы-
валъ объ этомъ предсказаніи старца, я
замѣтилъ грусть на его лицѣ, и не-
вольно вспомнились мнѣ слова, сказан-
ныя вызвавшему его изъ Соловковъ
царю святителемъ Филиппомъ: «зачѣмъ
ты лишилъ меня моей пустыни?»

Долго-долго уговаривали о. Алексія
перѣехать въ Петербургъ, гдѣ уже
знали и дарованія его, много ожидали
отъ воздѣйствія его сильной личности,
цѣнили его благолѣпное, проникновен-
ное служеніе въ храмѣ. Наконецъ, онъ
уступилъ настойчивымъ просьбамъ и
принялъ настоятельство въ церкви при
общинѣ святаго Георгія.

Домъ о. Алексія въ Петербургѣ
представлялъ что-то не совсѣмъ
обычное. Когда въ праздники послѣ
обѣдни къ нему заходили выпить
чаю его духовныя дѣти, то про-
исходила полная смѣсь всякихъ сосло-
вий. Рядомъ съ именитыми изящными
женщинами были какія-то безвѣстныя
старушки, рядомъ съ офицеромъ бле-
стящаго полка какой-нибудь ремеслен-
никъ. Тутъ же можно было встрѣтить
разныхъ набожныхъ приказчиковъ, мел-
кихъ торговцевъ, сборщиковъ на церк-
ви, ладожскихъ крестьянъ. Все время
о. Алексія въ Петербургѣ было погло-
щено пріемомъ лицъ, искавшихъ у него
духовной помощи, или посѣщеніемъ
такихъ лицъ.

Какъ было уже сказано, о. Алексій
съ особою настойчивостью проводилъ
въ жизнь своей паствы правильный
взглядъ на необходимость частой испо-
вѣди и приобщенія. Слова «во исцѣ-
леніе души и тѣла», произносимыя
священникомъ, когда онъ приобщаетъ
вѣрныхъ, — для о. Алексія были сло-
вами, облекавшими его глубокоу, пла-
менную вѣру въ это таинство.

Одна изъ духовныхъ дочерей была
замужемъ за человѣкомъ не совсѣмъ
нормальнымъ и опасалась за участь

своихъ дѣтей. О. Алексій посовѣто-
валъ ей какъ можно чаще приобщать
дѣтей. Это было исполняемо. Нѣсколько
первыхъ лѣтъ жизни каждаго изъ ея
сыновей ихъ приобщали еженедѣльно,
и дѣти выросли совсѣмъ здоровыми
нравственно и физически.

— «Знаете, говорилъ о. Алексій, съ
чѣмъ сравню частое говѣніе. Возьмите
чернорабочаго, который цѣлую недѣлю
или дольше весь замазанъ, запыленъ.
Новая, насѣдающая на него, грязь
нисколько его не беспокоитъ: ея и не
видно на слоѣ прежде насѣвшей грязи.
И когда онъ и вымоется въ субботу,
онъ не будетъ вполне чистъ, такъ какъ
грязь въѣлась въ кожу. Теперь возь-
мите человѣка, который разъ десять
въ день моетъ руки. Малѣйшее пят-
нышко видно ему на себѣ и беспокоитъ
его, пока онъ сего не смоетъ. Такъ
вотъ, положеніе чернорабочаго отно-
сительно чистоты можно сравнить съ
неправильнымъ отношеніемъ нашего
общества къ говѣнію. Первое время
послѣ причастія великимъ постомъ
искренніе люди стараются уберечься
отъ зла. Но потомъ внимательность въ
наблюденіи за собою все уменьшается.
У многихъ даже, незамѣтно, можетъ
быть, для нихъ самихъ, является
мысль: «ну, ужъ къ прежнимъ грѣ-
хамъ одинъ, новый — не бѣда». И весь
человѣкъ становится загрязненнымъ
толстымъ слоємъ грѣховъ, который
увеличивается все новыми и новыми...
Образуется то ужасное духовное со-
стояніе, когда грѣхъ, паденіе ста-
новятся привычкою... Не то съ
человѣкомъ, часто приступающимъ къ
говѣнію. Сознаніе того, что не-
давно еще онъ принялъ къ себѣ Го-
спода, ожиданіе того же посѣщенія въ
близкомъ времени увеличиваетъ со-
вѣстливость человѣка, строгость его къ
самому себѣ. Малѣйшее пятно на душѣ,
грѣховный помыселъ, промелькнувшій

въ немъ, смущаетъ такого человѣка. Ему хочется скорѣе освободиться и отъ этой легкой печати грѣха, тогда какъ другіихъ не тревожатъ ни сколько цѣлыя вихри злыхъ помысловъ и пожеланій, цѣлыя сѣти окутавшихъ ихъ беззаконій. На чистой совѣсти такого человѣка видѣнъ малѣйшій отпечатокъ грѣха, и его также легко смыть безслѣдно, какъ легко съ безукоризненно чистой руки снять нечистоту, насѣвшую на нее за какіе-нибудь два часа, истекшіе со времени послѣдняго мытья».

Самъ о. Алексій, когда исповѣдовалъ, являлъ зрѣлище необыкновенное. Видно было, что грѣхи кающагося тяжелымъ камнемъ падали на его душу. Онъ переживалъ ихъ съ такимъ страданіемъ, точно это были собственные грѣхи его. Тяжелые вздохи вырывались изъ его измученной груди, и быстрыми, нервными, дѣлаемыми на стороны, знаменіями креста онъ отгонялъ отъ исповѣдника того врага спасенія, который по пятамъ, ни на секунду не оставляя ее, гонится за душой всякаго человѣка, ищущаго спасенія, и старается даже тутъ, въ минуту покаянія, извратить добрыя намѣренія, ослабить силу благодати. Много и долго толковалъ на исповѣди о. Алексій, утѣшая, поддерживая кающагося, увѣряя въ возможности совершенной побѣды полнаго, ничѣмъ не нарушаемаго, служенія Богу.

Затѣмъ онъ начиналъ молиться. То не были только слова разрѣшительной, обычно произносимой молитвы. Онъ становился у престола на колѣни и, прикинувъ къ нему головой — любимое въ алтарѣ положеніе его, молился о душѣ кающагося, о помощи ей отъ Бога, объ укрѣпленіи ея въ борьбѣ съ искушеніями. Отъ напряженія молитвы все тѣло его вздрагивало, и такъ молился онъ тайно, сосредоточенно, со

вздохамъ, долго-долго. Потомъ, покрывъ голову исповѣдника епитрахилью, онъ, прежде разрѣшенія, часто молился объ избавленіи кающагося отъ тѣхъ грѣховъ, которыми онъ наиболѣе страдалъ.

Особенно памятна мнѣ была исповѣдь въ одно изъ посѣщеній Успенскаго островка. Это было внѣ часовъ службъ. О. Алексій вдвоемъ прошелъ со мной въ церковь, прилежавшую къ его комнатамъ, заперъ двери на ключъ; мы остались вдвоемъ, и началась длинная, подробная исповѣдь всей жизни, разборъ всѣхъ жизненныхъ отношеній, изслѣдованіе всего характера. По окончаніи этой исповѣди, какая-то радость освѣтила выразительное лицо о. Алексія, а я почувствовалъ, дѣйствительно, глубокой, отрадный миръ на душѣ, когда онъ сказалъ мнѣ: «Ну, идите съ миромъ!»

О. Алексій, несомнѣнно, видѣлъ больше того, что видятъ обыкновенные люди. Онъ точно сквозь оболочку тѣла видѣлъ, чувствовалъ, понималъ самый духъ и его безглагольную рѣчь. Онъ говорилъ мнѣ, что человѣкъ состоитъ изъ грѣхъ частей: тѣла, души и духа. Тѣло—это бранный составъ, тлѣющій на землѣ. Душа—это болѣе, чѣмъ тѣло, тонкая, но все же временами осязательная оболочка: она можетъ быть невидима, проходить въ закрытыя пространства, но можетъ принимать видимыя формы, объемъ, становиться осязательною. Наконецъ, духъ—совершенно безтѣлесный, невидимый, непостижимый, вдохнутый въ человѣка Божествомъ.

Такъ вотъ, этотъ духъ и былъ до-ступенъ, повидимому, о. Алексію. Это можно заключить изъ его словъ о такъ называемой глухой исповѣди—когда умирающій лишень уже дара слова. Изъ того, что говорилъ объ этомъ о. Алексій, выходило, что онъ слышитъ рѣчь духа, его вѣру въ Бога,

его сожалѣнія о сдѣланномъ въ жизни злѣ, его мольбу о милосердіи. И какъ чудень долженъ былъ быть этотъ обмѣнъ мыслей и чувствъ, безъ тѣхъ грубыхъ формъ, какими являются наши слова—формъ, столь недостаточныхъ часто для передачи всего живущаго въ нашемъ внутреннемъ мірѣ,—этотъ обмѣнъ непосредственно отъ духа къ духу!

По личному опыту, о. Алексій утверждалъ, что у духа человѣческаго есть свойства, которыми мы не пользуемся. Такъ, онъ говорилъ, что достаточно съ силою сосредоточить всѣ свои мысли на какомъ нибудь дорогомъ для насъ лицѣ, гдѣ бы лицо это ни находилось, чтобъ это лицо тотчасъ почувствовало эту нашу душу... Не есть ли въ томъ объясненіе многихъ необъясненныхъ случаевъ, когда, напримѣръ, дѣти бывали въ минуту смертельной опасности спасаемы тѣмъ, что слышали голосъ своихъ далекихъ матерей и шли на этотъ голосъ. Вообще о. Алексій болѣе, чѣмъ кто другой ощущалъ близость невидимаго, духовнаго міра. Все для него сводилось къ духу, а онъ могъ за поэтось, графомъ А. К. Толстымъ, повторить:

Въ каждомъ попотѣ растенья
И въ каждомъ порохѣ листка
Иное слышится значенье,
Видна иная красота.
Я въ нихъ иному гласу внимаю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовью на землю,
Но выше просится душа...

При своемъ духовномъ авторитетѣ,—онъ смѣло говорилъ такія вещи, которыя, какъ пришлось мнѣ убѣдиться, въ людяхъ не продумавшихъ, во что и какъ они вѣрують, хотя бы считающихъ себя вѣрующими, вызываютъ лишь глумленія. Вотъ что говорилъ онъ о значеніи вниманія просфоръ. «Въ церкви нѣтъ пустыхъ, безсодер-

жательныхъ дѣйствій. Этимъ вѣшнимъ дѣйствіямъ соотвѣтствуютъ вызываемыя ими благодатныя явленія. Таково вниманіе частей изъ приносимыхъ вѣрующими просфоръ, для поминовенія живыхъ или умершихъ лицъ. Всякая вынутая часть знаменуетъ собою душу человѣка, за котораго вынута. Когда, послѣ приобщенія вѣрныхъ, эти части опускаются въ чашу, погружаясь въ пречистую Кровь, соприкасаясь съ пречистымъ Тѣломъ Христовымъ,—тогда происходитъ таинственное, невидимое единеніе души со святынею Божества. Вотъ отчего могъ сказать одинъ изъ учителей церковныхъ: «превеликая польза бываетъ душамъ, о которыхъ моленіе возносится, когда предлежитъ святая и великая жертва». Это соприкосновеніе души со святынею Божества очищаетъ, укрѣпляетъ ее. Если же душа весьма грѣховна—это доставляетъ ей то же страданіе, какое чувствуютъ при близости свѣта слабые, больные глаза. Но вторныя дѣйствія такого поминовенія побѣждаютъ охватившее душу зло,—и она свѣтлѣетъ, человѣкъ становится лучшимъ».

Это утвержденіе свое о. Алексій подкрѣплялъ разсказомъ изъ пастырской своей дѣятельности.

Однажды, исповѣдуясь у него, одинъ сановникъ открылъ ему грѣхъ ненависти къ лицамъ, которыя дѣлали все возможное, чтобъ лишить его довѣрія и расположенія Государя. Въ грѣхѣ этомъ исповѣдующійся не раскаивался и говорилъ, что не въ силахъ, да и не желаетъ побороть этой ненависти. Долго уговаривалъ о. Алексій своего духовнаго сына исправить это печальное состояніе. Тотъ все стоялъ на своемъ. Наконецъ, о. Алексій объявилъ ему, что въ такомъ расположеніи не можетъ допустить его на завтра ко святой чашѣ. «Вотъ что вы должны дѣлать, по-

требовалъ о. Алексій. Какъ это вамъ ни будетъ трудно, насильно заставляйте себя подавать во время проскомидіи просфоры для поминовенія именно вашихъ враговъ. Очень возможно, что сперва они ожесточатся противъ васъ. Души, полныя злобы, болѣзненно воспринимаютъ вѣяніе благодати. Но благодать сильнѣе зла, и они смягчатся». На томъ они и разстались. Черезъ годъ это лицо пришло опять къ о. Алексію. Все случилось, какъ говорилъ батюшка. Сперва, принуждая себя, а потомъ отъ чистаго сердца—терпѣвшій обиду подавалъ просфоры. Въ началѣ его враги ожесточились, а потомъ непонятнымъ для него образомъ, постепенно все лучше и лучше стали относиться къ нему. Наконецъ все, что было въ нихъ дурного въ отношеніи его, безслѣдно исчезло.

Служеніе о. Алексія было невыразимо прекрасно. Онъ весь сосредоточивался и уже ничего не видѣлъ въ часы служенія, кромѣ Бога. Воздѣйствіе сильной души его было таково, такъ проникало всю церковь, что я всегда инстинктивно угадывалъ, входя въ церковь и не слыша еще его возгласовъ, онъ ли служить. Какое великое усердіе звучало въ произносимыхъ имъ съ совершенною красотою возгласахъ! Сколько смысла было въ каждомъ движеніи его. Стоя предъ престоломъ съ головою, поднятой къ небу, или трепеща въ молитвѣ, онъ точно видѣлъ тотъ таинственный Престоль на небѣ, отъ славы котораго закрыли глаза свои ангелы, онъ точно прислушивался къ раздававшимся тамъ и доносящимся порой оттуда къ благоговѣйнымъ душамъ напѣвамъ неземныхъ славословій. И когда открывались его уста,—онъ точно прямо въ лицо Божіе говорилъ эти священные слова любви, умиленія и вѣры. Не-

вольно вспоминалось, глядя на него въ церкви:

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла.

Съ какою силою мольбы, когда бывало, за проскомидію, подойдешь къ нему съ просфорами въ рукѣ и, развернувъ записочку, и станешь читать ее вслухъ,—произносилъ онъ, вышняя при всякомъ имени копиемъ отдѣльную часть—краткій зовъ: «Помяни, Господи! Помяни, Господи!»

Самъ онъ поминалъ, когда служилъ, столькохъ лицъ, что нѣсколько просфоръ кругомъ, и сверху, и снизу, представляли изъ себя одну сплошную поверхность углубленныхъ внутрь тренольничковъ. Съ какою сосредоточенностью и властью обѣнялъ онъ многократнымъ широкимъ крестнымъ знаменіемъ, шепча молитву, подаваемое ему кадило, и когда онъ, ходя по церкви, съ такимъ усердіемъ кадилъ иконамъ,—чувствовалось, что благоухающій дымъ, разстилавшійся отъ кадила по церкви,—дѣйствительно—даръ любви, приносимый чрезъ священника отъ вѣрующихъ Богу. А когда онъ въ церкви Успенскаго острова читалъ акаѳистъ предъ чудотворною Иверскою иконою Богоматери,—то было, казалось, не чтеніе, но бесѣда съ Владычицею міра, Которую онъ словно прозрѣвалъ чрезъ Ея икону. И когда въ будни, по окончаніи богослуженія, о. Алексій съ клироса, гдѣ подпѣвалъ поющимъ, подходилъ къ иконѣ и, сдѣлавъ земной поклонъ, прикладывался къ ней,—что-то особое было въ этой сдѣдой головѣ, припавшей къ стеклу рамы, въ горящихъ глазахъ, устремленныхъ на святыи ликъ.

О. Алексій въ храмѣ представлялъ собою одну изъ величественныхъ и прекрасныхъ картинъ, когда-либо мною видѣнныхъ. Необыкновеннымъ выходилъ у него и тотъ моментъ,

когда приобщается народъ. Въ концѣ причастнаго стиха выносился предъ царскія двери золоченый столикъ, и на него ставилась чаша. Прежде, чѣмъ приобщить подходящаго, о. Алексій подъ чашей, предъ величайшею во вселенной святынею Тѣла и Крови Господней, погружался въ молитву о приобщающемся, иногда довольно продолжительную. Онъ зналъ душевные недуги приходящаго и здѣсь просилъ помощи ему—сохранить благодать, заключенную въ таинствѣ. Молитвы послѣ причастія о. Алексій въ большинствѣ случаевъ читалъ всѣ самъ. Вообще, онъ могъ служить яркимъ доказательствомъ того, сколько глубокаго воздѣйствія на души заключено въ нашемъ православномъ богослуженіи, сколько поразительной красоты. Съ силою и твердостью произнося возгласы, напрягаясь въ служеніи физически, доходя до того, что внутреннее напряженное состояніе его молитвы выражалось у него вонѣ обильнымъ потомъ, онъ чрезвычайно уставалъ отъ службъ. Сознаніе своихъ обязанностей, страхъ, что онъ могъ погрѣшить, принести душѣ вредъ или мягкостью, или строгостью,—всѣ эти сложные сомнѣнія, конечно, томили его. Характеръ его былъ чрезвычайно широкій. Денегъ онъ не имѣлъ никогда, хотя домъ его всегда былъ полонъ прокармливаемаго имъ люда, хотя выстроить гдѣ-нибудь крестьянину большую богатую избу было для него обычнымъ дѣломъ, хотя чрезъ руки его проходили въ годъ многіе десятки тысячъ. Но эти деньги не залеживались и сутокъ. Въ немъ, несомнѣнно, жилъ художникъ. Всѣ храмы, къ которымъ онъ скольконибудь прикоснулся,—а на своемъ вѣку онъ выстроилъ не одинъ храмъ, а побилъ въ постройкѣ еще большому количеству ихъ,—всѣ постройки, въ кото-

рыхъ онъ участвовалъ, хранить слѣды его изящнаго, тонкаго вкуса, его архитекторской находчивости. Весь обликъ его, его движенія—все было прекрасно, какъ прекрасна была его художественная рѣчь, то запечатлѣнная высотой мысли, то проникнутая добродушной ироніей, то дышавшая всею крѣпостью и убѣжденіемъ вѣры. Слушать его рассказы, помимо содержания ихъ, было интересно уже и по той чарующей формѣ, въ которой всегда выходило изъ его устъ его слово. Въ немъ было много дѣтскаго: какое-то выраженіе глубокой довѣрчивости, дѣтская веселая улыбка, дѣтская широта нрава. Какъ дѣти, когда любятъ кого, готовы отдать тому всѣ самыя дорогія свои сокровища,—такъ и онъ безъ удержу, безъ разчета, обѣими руками вкладывалъ въ то дѣло, которому служилъ, все, что у него было, не задумываясь, чѣмъ онъ самъ будетъ завтра сътъ.

Еслибъ кто могъ подвести итоги суммъ, вложенныхъ о. Алексіемъ въ разныя добрыя дѣла за всю его жизнь, получилась бы сумма, поразительная размѣрами. Но, конечно, никто не узнаетъ ея. И первый не зналъ ея, вѣроятно, и самъ о. Алексій. И вотъ, несоотвѣтствіе того, что онъ желалъ бы сдѣлать, съ тѣмъ, что онъ могъ сдѣлать (какъ бы сдѣланное имъ ни было обширно), составляло для него причину сильныхъ страданій. Безденежье часто часто тяготило его. И бывали дни, когда онъ, выдавъ за нѣсколько дней до того цѣлый капиталъ, радовался, какъ ребенокъ, какой-либо трехрублевой бумажкѣ. Вкусъ его были часто русскіе. Онъ любилъ самую простую пищу и восхвалялъ тюрю—черный хлѣбъ, накрошенный въ водѣ; любилъ быструю ѣзду, шутовое, мѣткое слово и, что ни дѣлалъ—всегда широко. Онъ не любилъ ничего монотоннаго, строго заведенныхъ часовъ, и жилъ по вдох-

повенію. Помимо всѣхъ духовныхъ свойствъ своихъ, онъ былъ и вообще выдающійся умомъ и всѣмъ складомъ своимъ человѣкъ, котораго нельзя было не замѣтить, который не могъ бы не выдѣлиться, въ какой бы средѣ и гдѣ бы онъ ни жилъ и ни дѣйствовалъ.

Воспоминанія объ о. Алексіи были бы неполны, если не сказать ничего о его любимомъ дѣтищѣ, которое будетъ и мѣстомъ его упокоенія — объ Успенскомъ островѣ. Дѣло, здѣсь возникшее, обязано началомъ своимъ о. Алексію и преданнѣйшей его духовной дочери, Аннѣ Ивановнѣ Скворцовой, весьма замѣчательной личности. Дочь извѣстнаго и заслуженнаго кавалерійскаго генерала Шабельскаго и его славившейся столько же красотою (ея портретъ помѣщенъ въ галлерей красавицъ высшаго европейскаго общества, находящейся въ королевскомъ Мюнхенскомъ дворцѣ), сколько благочестіемъ жены его, рожденной Шитаревой (она была въ духовномъ общеніи со многими русскими подвижниками и скончалась нѣсколько лѣтъ назадъ на Успенскомъ островѣ) — Анна Ивановна съ ранняго возраста чувствовала, что мѣръ чуждъ ей, и думала жить для одного Бога. Ее уговорили выйти замужъ, и чрезъ самое короткое время послѣ свадьбы она заболѣла неизлѣчимою болѣзнію, державшею ея недвижимо распростертою на постели до самой смерти. Она очень чтила о. Алексія и, можно думать, что духовно они много другъ другу взаимно обязаны. И въ тяжкомъ болѣзненномъ состояніи своемъ Анна Ивановна вела высоко подвижническую жизнь. Извѣстно, на примѣръ, что о. Алексій ежедневно исповѣдовалъ ее. Анна Ивановна остановила свой выборъ на уединенномъ, тогда поросшемъ лѣсомъ, островкѣ, лежащемъ посреди Волхова, чтобы

устроить на немъ благодѣтельныя учрежденія. Ея хлопотами островокъ этотъ былъ переданъ о. Алексію. Построили на немъ домъ. Въ домѣ стояла предъ постелью Анны Ивановны большіхъ размѣровъ Иверская икона, чуднаго письма, въ ризѣ, украшенной фамильными драгоценностями Шабельскихъ. Предъ этою иконою Анна Ивановна молилась о томъ, чтобы Владычица помогла душѣ ея въ часъ исхода отъ тѣла. Умирая, Анна Ивановна, у которой были данныя за ней въ приданое имѣнія въ южныхъ губерніяхъ, обязала наслѣдниковъ своихъ выплатить капиталъ, обезпечивающій, между прочимъ, существованіе пріюта-церкви на островкѣ. Погребена Анна Ивановна въ церкви Успенскаго островка, противъ солеи, у подножія Иверской иконы.

Мало-по-малу расширялись постройки на крошечномъ островкѣ, увеличивалась его благотворительная дѣятельность. Тамъ уже много лѣтъ дѣйствуетъ обширный пріютъ для дѣвочекъ, весьма многолюдная богадѣльня для стариковъ и старушекъ; въ отдѣльныхъ домахъ живутъ нѣкоторые духовныя дѣти о. Алексія, удалившіяся сюда, чтобы жить жизнію близкою къ иносческой.

Громадный, такъ называемый, «большой домъ» въ связи съ церковью, гдѣ помѣщался при пріѣздахъ своихъ о. Алексій и гдѣ принималъ навѣщающихъ его и давалъ пріютъ нуждавшимся изъ образованнаго класса, для которыхъ не подходитъ богадѣльня, двухъ-этажный домъ для причта, дома для пріюта, богадѣльни, обширная свѣтлая амбулаторія съ просторными палатами для больныхъ — заняли почти все пространство острова, кромѣ дорогъ.

Когда ѣдешь мимо угрюмыхъ однообразныхъ береговъ Волхова и вдругъ видишь зеленѣющей вдаль, съ крас-

ными зданіями, крестами и куполами островокъ—зрѣлище это поражаетъ и ласкаетъ глазъ. И какое тутъ въ лѣтнюю пору оживленіе, когда по островку бѣгаютъ ученики Петербургскаго духовнаго училища, которымъ о. Алексій предлагалъ гостепрѣимство и все содержаніе, когда въ праздничный день съ обоихъ береговъ въ лодкахъ подплываетъ къ островку окрестное принаряженное населеніе, и въ храмъ, гдѣ тѣсно отъ молящихся, идетъ чинная неспѣшная служба. Какъ изящень, красивъ храмъ, какъ все въ немъ проникнуто задушевностью, какимъ-то ласковымъ привѣтомъ, котораго столько было въ строителѣ. А дѣятельность кипитъ, кипитъ. Недавно лишь закончили сложную и дорогую работу укрѣпленія сваями и камнями отъ напора и размыва весенними водами и безъ того маленькаго островка. Сколько заботъ, сколько денегъ нужно, чтобъ всѣхъ прокормить, оплатить всѣ работы, дѣлать нужныя расширенія... И невольно сжимается сердце, когда спросишь себя: «теперь что со всѣмъ этимъ будетъ?»

Вѣчная память человѣку, такъ громко славившему Бога и побуждавшему къ тому другихъ! Божья милость къ душѣ того, кто былъ источникомъ такого милосердія, столькихъ призрѣлъ, ободрилъ и утѣшилъ! Вѣчная слава тому, кто въ вѣкъ маловѣрія такъ высоко и крѣпко держалъ въ іерейскихъ рукахъ своихъ знамя незыблемаго, истиннаго православія! Земной поклонъ любви, благодарности и тоски разлуки незабвенному о. Алексію отъ духовныхъ дѣтей его!

Е. Поселянинъ.

Московскій Даниловскій монастырь.

(Мѣсто погребенія Н. В. Гоголя).

Ко дню торжественнаго чествованія памяти Николая Васильевича Гоголя, по случаю исполняющейся знаменательной годовщины его смерти, благо временно вспомнить въ немногихъ строкахъ и о святой обители, пріютившей у себя его смертные останки. 630 лѣтъ существуетъ Московскій Даниловскій монастырь, основанный въ 1272 г. великимъ княземъ Московскимъ Данииломъ Александровичемъ въ честь его святаго соименника Данила столпника. Предъ смертію своею, благовѣрный князь принялъ въ этомъ монастырѣ великій ангельскій образъ—схиму, и завѣщаль похоронить себя не какъ князя и храмоздателя, а какъ простаго инока, на общемъ монастырскомъ кладбищѣ.

Монастырь на основанномъ княземъ Данииломъ мѣстѣ существовалъ не долго. Въ княженіе сына его Іоанна Даниловича онъ перенесенъ былъ въ Кремль ко Спасскому собору, что на Бору. Въ маѣ 4 числа 1330 года архимандритъ Данилова монастыря, перенесенъ въ Кремль къ новому монастырю, перенесъ на него всѣ свои заботы, о прежнемъ-же, т. е. упраздненномъ монастырѣ, не радѣлъ, хотя ему и былъ порученъ надзоръ за нимъ. О нерадѣніи лѣтопись говоритъ: «Даниловъ монастырь оскудѣ нерадѣніемъ архимандритовъ Спаскихъ, яко ни слѣду монастыря познаватися, токмо едина церковь оста, и прозвася мѣсто оно Сельцо Даниловское». Съ увеличеніемъ великокняжескаго двора, инокамъ Спасскаго монастыря было неудобно оставаться въ Кремлѣ, почему Іоаннъ Васильевичъ III-й нашелъ нужнымъ перевести монаховъ въ новосозданный монастырь на Крутицкой горѣ по лѣвую сторону Мо-